

Владислав Бахревский

СОЛОВЕЙ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2017

Трель

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р16-611-0463

Художник П. Лучанова

Бахревский В. А.
Б306 Соловей. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2017. — 104 с.: ил.

Наглядеться на мир Божий — жизни не хватит. Сколько всего вокруг! Наш герой, соловушка по имени Голубчик, вылупившись из яйца, начнёт знакомиться с травами и цветами, птицами и животными. Ещё птенцом встретит на своём пути кузнечика и муравьёв, зубастого лисёнка, сову с когтями, филина, охотящегося на зайцев. Обретя силу в крыльях, прилетит на зиму в Экваториальную Африку и увидит там деревья синие, как небо, слонёнка и жирафов, антилоп и крокодилов, гепарда и каракала. Пролетит наш серенький тысячи вёрст, подружится с Добрым Ветром, научится жить без мамы... Предстоит соловушке и грустная встреча, и счастливая. И неизменно в небе будет гореть звезда, и будет радостно биться сердце Голубчика, благодарное небу и земле.

В этой книге, предназначенной для детского и семейного чтения, нашлось место и маленьким чудесам, и большому чуду. И стать причастниками этих чудес очень просто — стоит только начать читать.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2017
© Бахревский В., текст, 2017
© Лучанова П., иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-88017-616-8

Кто живёт в яйце, во-первых, тоже учится. Во-вторых, точь-в-точь как мы, ждёт завтрашний день.

Птенцу ласково в яйце. Все сны счастливые. И очень хочется родиться.

Птенцы-то птенцы — ни крыльев, ни перьев, — но ведь мудрецы.

Наш Голубчик знал: за стенами скорлупы — жизнь. А вот что она такое?.. Утром яйцо до краёв наливалось светом, вечером, тоже до краёв, — тьмой.

Однажды из тьмы, совсем близко (с ветки над гнездом), раскатилась трель. Но уж такая короткая!

У птенца душа с птенца. Душа обмерла, ожидая, а песенки нет и нет. Тут-то и услышал Голубчик своё сердце. Тук-тук-тук! И!

Щёкот. Ясный, чистый. Певец голоса не напрягал, но щёкот занял собою весь мир за стенами яйца.

Щёкот рос, и душа птенца тоже принялась расти. Тут бы и родиться!

Утерпел. А вот в горлышке поместилось неведомое.

С этой ночи птенец не жил, он ждал. А трелей не было. И сил терпеть не осталось.

Голубчик наш запрокинул голову и ударил клювом по скорлупе.

Мир яйца рассыпался. Новорождённого объял свет. В это мгновение птенец забыл жизнь, огороженную со всех сторон скорлупой.

С чего начинается жизнь

В яйце птенец занимал всё яйцо. Он был огромный...

И первое открытие! Жизнь — это теснота. В гнезде, где наш Голубчик нашёл себя, шесть разинутых ртов — головы не видно.

Прилетела птичка и положила в клюв Голубчика — паука!

— Я — птица! — это было второе открытие и последняя мудрость вышедшего из яйца.

Всё, что новорождённый умел: сидеть в гнезде с открытым клювом. Всё, о чём думал: хочу есть!

Жизнь в гнезде

Так и жили: солнце село — рот закрылся, солнце встало — рот нараспашку.

Птенцы спали, ели и росли. И обрастали пухом. Пушистые шарики уже никак не помещались в гнезде. И тогда все шестеро из гнезда выпали.

Никто не ушибся. Земля близко, трава высокая. Жизнь у птенцов пошла травяная.

Паутина — столовая для детей

Трава приняла Голубчика бережно. Покачивая, опустила на землю и распрямилась.

Все, кто очень ждал птенца — зубы, лапы, когти, — тарасили глаза, нюхали воздух, но сладкая добыча исчезла.

Голубчик переступил с лапки на лапку — земля тёплая, добрая. Травка-муравка по грудь. У самой земли — белые звёздочки цветов, а кругом — зелёные непролазные дебри растений. Голубчик стоял, упёршись клювом в стель. Поднял голову — а у стебля в небе метёлочка.

Прилетела птица, села на метёлочку. Стебель не сломался, не погнулся. Птица тихонечко свистнула, и сердце Голубчика обмерло. Он вспомнил трель. Ждал, а птица молчала.

— Простушка! Камышовка! Смотреть не на что! — рассердилась мама-птица, раздвигая траву. — Скорее! Я веду вас к тенётам. Тенёта — это паутина.

Паутину паук натянул от земли до неба. В паутине — мошки, мухи, комары, клещи, саранча... Даже кузнечик!

— Ешьте! — сказала мама. — Это на завтрак.

И склевала паука.

— Что ты наделала? — закричало сердце нашего Голубчика.

— Как что? Я съела добычу. Пауки — лучшая пища.

— Мама! Ты посмотри, сколько мошек наловил своей сетью несчастный паук! Наловил для нас.

Птица-мама призадумалась:

— Ты прав. Вас много, вас накормить надо. Мне ведь и подумать недосуг, пошевелить мозгами.

— Мама! Я мозгами не шевелил, — признался Голубчик. — Я думал сердцем.

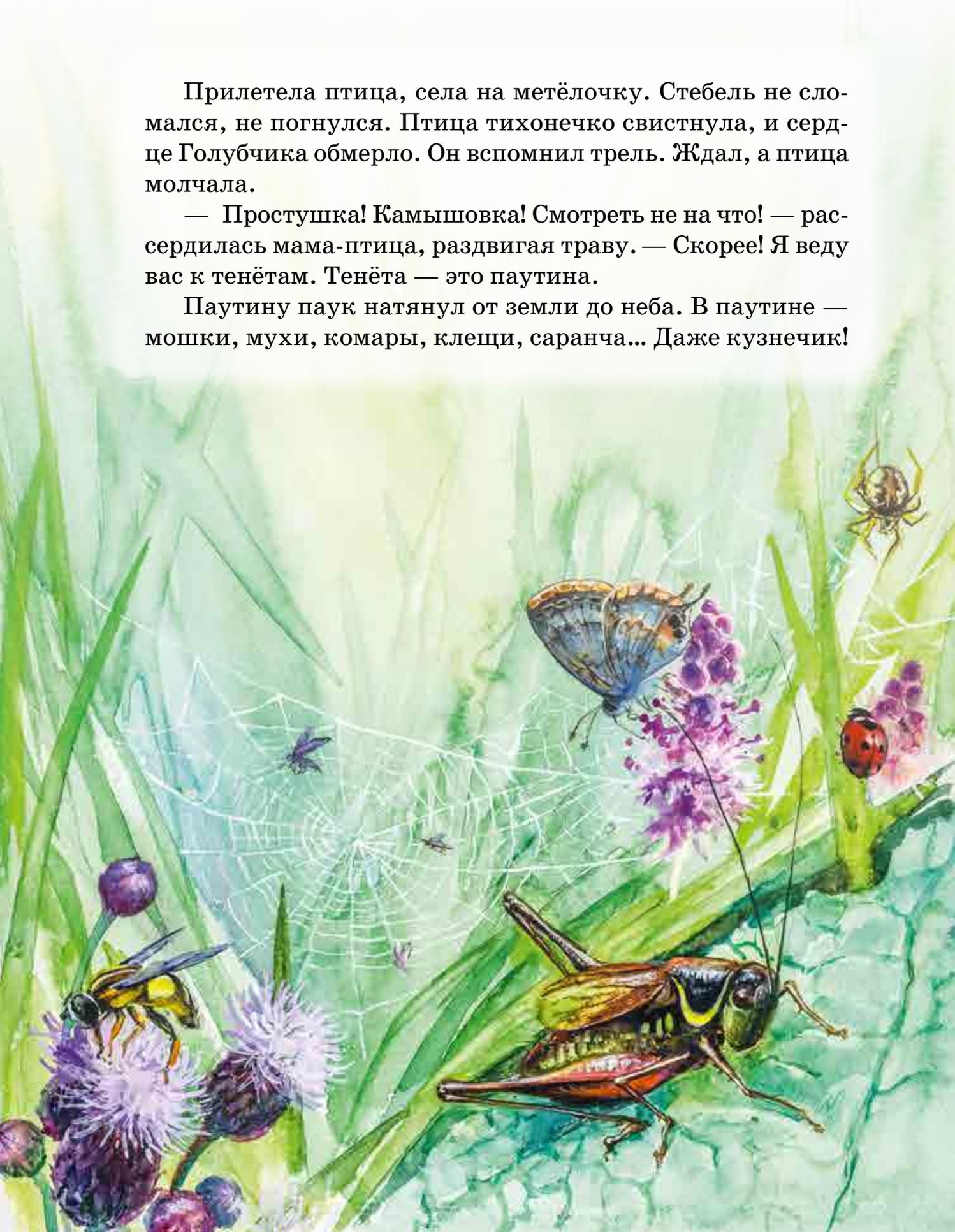
Третья жизнь птенца

— Жить в траве — счастливая доля, — сказала мама-птица перед сном. — Трава-мурава — наше детство. Не всякой птице такое дано. Радуйтесь каждому дню.

Голубчик проснулся утром и обрадовался. Свету. Потом заре. Солнцу. И вдруг увидел над травами розовое пламя.

— Кипрей расцвёл! — сказала мама. — Наглядеться на мир Творца — жизни не хватит. Все за мной. Сегодня на завтрак — сладкое!

Повела птенцов быстро, и Голубчик сначала поспевал за всеми. А на пути — колокольчик.

На колокольчике, на синем, изумрудное существо с прозрачными крыльями. Глаза — золотые, усы — золотые, лапки — золотые.

— Что ты застыл? — накинулась мама-птица на Голубчика. — Твои братья и сёстры лакомятся сладкой тлём, а ты, голодный, глазешь! Торопись! Это всего лишь златоглазка.

Потянулась склонуть чудо, но птенец загородил дорогу:

— Мама! Златоглазка как сказка!

— Глупости! Надо есть! Надо расти! Дорога нас ждёт далёкая, трудная!

Теперь мама шла следом за птенцом, как бы опять не загляделся.

Пушистая семейка доедала тлю. Голубчик и не подумал огорчиться. Он смотрел на муравьёв. Муравьи разрыли землю под кустиками земляники. Корни обнажились, а на корнях золотые шарики — кошениль! Вот и еда.

Позвал всех и сам наелся.

— Ко мне! Под крылья! — вскрикнула мама отчаянно.

Сбежались, укрылись, затаились.

Их всех накрыло тенью. Под солнцем парила птица.

— Коршун! — мамино сердце билось уж очень громко. — Это птичья гроза. Запомните.

Голубчик коршуна запомнил. Он бы и дальше смотрел на «птичью грозу», но прилетела бабочка небывалая. Величиной с маму. Крылья чёрные, отливают синевой.

— Мама! — прошептал Голубчик. — Ты посмотри!

— Переливница. Невелика редкость.

— Как хорошо, что не редкость! — обрадовался Голубчик. — Мама! Я живу целую вечность, а чудес не убывает.

— У Творца всё чудо. Но скажи нам: это какую же вечность ты прожил?

— Я жил в яйце, жил в гнезде, живу в траве... Три вечности!

Мама снова призадумалась. Птенец был прав. Забавный птенец, но за ним глаз да глаз. Как бы не отстал от братьев, от сестёр — в росте, в силе крыльев. Хилуму моря не перелететь.

Страшный друг и радостный враг

Мама вела семейство в малинник. Птичьи дорожки и птичьи тропы в траве невидимы.

Голубчик шёл седьмым.

Последний может на шагок, на другой задержаться — подивиться тому, чего пока ещё не видел.

Сияла росинка. Как не посмотреть на солнышко у самого клюва?

А впереди — нежное.

— Это мох, — объяснила птенцам мама-птица. — Для гнезда — хороший строительный материал.

Голубчик дотронулся клювом до мшинки.

Тёмно-зелёный мох сиял нежно, таил таинственное.

И Голубчик догадался:

— Мох — цыплёнок леса!

Как же ласково во мху. Закрыв глаза, поджал ножки — и будто в гнезде.

А в лесу творилось чудесное. Птичьи свисты разбегались звенящими ручейками. Ручейки

искали кого-то, чего-то. Может, птичью реку, птичье певчее море?

«А может, они меня ищут?» — храбро подумал Голубчик.

Но ждал он щёкота. А вместо щёкота — трещотка.

— Тра-та-та-та-та! Тра-та-та-та-та!

Уж так весело! Птица чёрная, белобокая. Хвост тоже чёрный, но по нему зелёные всполохи.

Голубчик чуть было на ноги не вскочил — рассмотреть радостную трещотку. Но он был один. Не вскочил, голову изо мха не поднял.

Птица улетела, и птенец побежал догонять своих.

Разлетелся и — стоп! Нога застыла в воздухе. Глаза распахнулись. Все пушинки на теле поднялись. В одном шаге — всего в одном шаге! — Голубчик стоял перед травяным великаном. Два огромных рога с острыми отростками грозили бедой. Усы — с гнездо! Коричневый панцирь блещет мрачно. Три пары лап, на лапах — шипы.

Голубчик отвёл поднятую ногу назад, а что ещё сделать — не знал. Стоял на одной ноге, не падал, но и не понимал: жив или не жив. И тут мама! Всё разрешилось хорошо и просто. Чудовище рогатое зашевелило лапами и обошло птенца.

— Мамочка! Ты спасла меня! — пролепетало сердце Голубчика.

— Это жук-олень, — сказала мама, опускаясь на траву. — Самый большой жук в нашем лесу. Нам травяной олень не страшен. Я испугалась сороки.

— Которая «тра-та-та-та-та»?

— Трескотня — это сорочье пение. Берегись белобочих. Они крадут чужих птенцов.

Ужасное происшествие

А в малиннике шёл пир. Тут тебе и сладкая тля, и крошечные гусеницы на листьях. В паутинах, на паутинках — кого только нет!

Голубчик вдруг огорчился.

— Мы же грабим пауков, — сказал он старшему брату. Старший брат первым вышел из яйца.

— Ты не о пауках, ты о крыльях своих думай! — сказал старший брат сурово. — На слабых крыльях море не перелетишь.

Старший брат был умный. Голубчик вздохнул и принялся склёвывать мошек с паутины. А о пауке не забыл. Вытягивал добычу осторожно, чтобы не порвать паутину.

И вдруг показалось Голубчику: трава шевелится. Скакнул вверх — не видно. Вышел из малинника — не видно. Отошёл подальше, приподнялся сколько мог, вытянул шею и увидел острые уши и густую рыжую шерсть.

— Зверь! — закричало сердце Голубчика.

— Лиса! — учуяла мама. — Все под куст! Глубже! Глубже!

Птенцы попрятались, носы в землю, зажмурились.

Наш Голубчик убежать не успевал. Уж очень далеко отошёл от малинника. Мама-птица налетела на рыжего

охотника, ударила крыльями по глазам.

Страшный зверь — это был лисёнок — кинулся наутёк, но опомнился. Бежит от птицы! От птички! Она меньше воробья!

Подпрыгнул, щёлкнул зубами. Но птица упорхнула, затаилась в малиннике, и птенец исчез. Лисёнок понюхал воздух: не исчез. Сидит у самого края куста.

Лисёнок крался к добыче, прячась в высокой траве. Ближе, ближе. И!

Они смотрели друг другу в глаза: наш Голубчик и тот, кто пришёл за Голубчиком.

Птенец был в пёрышках, но пёрышки на крыльях короткие. На таких не улетишь.

Птенца защищали колючие плети малины и сухая ветка с иглами. Лисёнок облизнулся...

Вот так и случается беда. Хищник напряг тело — прыгнул. Мгновение длилось, длилось, а страшного не произошло. Сухая ветка терновника вонзила лисёнку в нос и в лапы жестокие колючки.

Лисёнок визжал, скулил. Полз прочь от куста на брюшке, в лапах занозы.

В лесу стало тихо. Страх стоял за каждым деревом. Но страх унесло ветром, а плач лисёнка всё ещё долетал до птенцов.

Глупый или смелый?

— Почему ты не спрятался? — мама-птица даже крыльями замахала на Голубчика.

— Я хотел посмотреть... Мама!

— Но это был зверь!

— Мама! Меня защищали колючки.

Старший брат замахал крылышками.

— Уцелел, а что-то не обрадовался! От страха ни жив ни мёртв.

Голубчик голову опустил:

— Я жалею.

— Того, кто хотел тебя съесть?! — закричали, ужаснувшись, птенцы.

Они сбились около мамы и все смотрели на Голубчика.

— Лисёнок плачет. Он маленький!

Птенцы прижались к маме:

— Наш брат очень глупый или очень смелый?

— Он у нас Голубчик, — мама вздохнула, а потом ещё раз вздохнула и взлетела. — Дорога домой свободна.

Ночью надо спать

Солнце на закат — птицы в гнёзда. Засыпают, чтобы тьму не видеть. Тьма по земле ползёт крадучись, небо меркнет, тут-то и пробуждается сова.

Наш Голубчик не уснул вовремя. Засмотрелся на одинокую звезду. Свет звезды покойный, красота уж такая простая! Голубчик даже крылышки поднял: тотчас и полетел бы к звезде, чтобы ей не было одиноко. Но перья на крыльях короткие.

И вдруг звезды не стало. Звезду заслонили. Над кустом, под которым жили птенцы, повисла, вглядываясь в траву, сова.

Голубчик за своё сердце испугался. Уж очень громко стучит. Мама говорила о совах. Совы видят ночью, днём они слепые. Слышат совы даже пауков, бегающих по паутине.

Как же долго висела сова над нашим Голубчиком! И — ринулась к земле. Голубчик даже глаза забыл закрыть.

А сова уже в небе, в её когтях мышка.

В лесу жутко заухало. Кто-то из птенцов пискнул.

— Это филин, — сказала мама. — Филин, как и сова, по ночам не спит. Филин ловит зайцев. Даже на косуль нападает. Мы ему не надобны. Спите.

Голубчику не спалось. Жить, оказывается, страшно. Зубастый лисёнок, сова с когтями, филин, ловящий зайцев... Но ведь и звезда!

Голубчик открыл глаза пошире. В небе — пусто, но оно светится.

Голубчик выбрался из-под куста. Травы все серебряные. Луна!

В горлышке затрепетало неведомое, кинулось расти. И тут Голубчик снова вспомнил и щёкот, и тончайшую нить трели.

Осенило: он всё это слышал, когда жил в яйце!

Сделал шаг, другой... Если крылья не выросли, можно дойти... до луны, до звезды.

И — обмер. Два фосфорических огня горели среди травы. А в стороне ещё два таких же ледяных огня. И некуда бежать. Лапы и пасть ринулись неотвратно...

Визг! Скулёж!

Фосфорические огни исчезли. Скулёж удалялся.

Так-то вот поохотился лисёнок ночью. Лиса не помогла своему щенку. Пусть усвоит урок: на серую птичку, ростом с воробья, на её пушистых птенцов охотиться — грех.

Не мне, не тебе, но кому-то плохо

Мама вела птенцов к тенётам. По дороге учила:

— Надо есть, надо расти! Нам же в Африку!

— Африка, она какая? — спросил Голубчик.

— В Африке деревья цветут, — сказала мама. — Там есть деревья синие, как небо.

— Синие, как небо! — удивился Голубчик и увидел в стороне от тропы сине-голубую землю.

— Пошли! Пошли! — торопила мама. — Это зацвели незабудки.

— Но чтобы незабудок не забыть, надо им порадоваться.

Голубчик зашёл в цветы.

— На земле, а как в небе! Я могу летать по земле.

Замахал крылышками, уже обросшими перьями, побежал по незабудкам.

И — ффыррь! С неба на цветы упала стая воробьёв.

— Затаись! Коршун!

В небе кругами плавала «птичья гроза».

— Ты летаешь? — спросил воробей Голубчика.

— У меня пёрышки на крыльях коротки.

— Отрастут! — подбодрил воробей маленькую птичку. — Летать — это, знаешь, что такое?

Тут воробей задумался. Долго думал. Потом спросил:

— Ты жить любишь?

— Люблю, — сказал Голубчик.

— А летать — это как жить. Это жить лучшей на белом свете жизнью.

Голубчик искал в небе коршуна и не находил.

— Не туда смотришь! Низко летит. Кого-то сцапал. Несёт в когтях, — и воробей радостно чирикнул, — да не меня! Да не тебя!

Ффыррь! Воробьиная стая порхнула в воздух, умчалась.

